

СОДЕРЖАНИЕ

Я позабыл Винсента	3
Детство, юность, ярость	9
«Салон маляutki»	48
Я и есть эта собака	70
Нервозность	121
«И захотят жить более музыкально»	145
«В дерзостной попытке в упор взглянуть на солнце»	187
Печаль останется на всю жизнь	210
Винсент	235
Источники	238

Я ПОЗАБЫЛ ВИНСЕНТА

Что касается Ван Гога, то это один из тех людей, которых я люблю. Необычный, немножко сумасшедший, не вписывающийся в социальные рамки, ограничивающие всякую посредственность современной жизни. Подобные личности встречаются не так уж часто. И если такой человек появится на вашем пути, никогда не забывайте о нем, любите его. Яркие, неординарные фигуры неминуемо уходят от нас, и процесс этот, увы, неизбежный. И мы остаемся в окружении художников и писателей, для которых живопись или литература суть коммерческое предприятие, ни больше ни меньше.

Поль Леото. Литературный дневник. 1905 год

Я было позабыл Винсента. А ведь я сколько раз взволнованно любовался его автопортретом с перевязанным ухом, с этим бесстрастным взглядом, с этой трубкой в зубах, излучающим ледяное спокойствие после приступа безумия; затаив дыхание, любовался его пшеничным полем, пересеченным дорогой, которая никуда не ведет, и этим небом, которое вот-вот взорвется, и этими воронами, похожими на черные кресты, которые, как по стеклу, царапают фальшивую безмятежность пейзажа.

Я о нем позабыл, хотя в музеях он то и дело возвращался ко мне, весь искрящийся светом, всегда готовый ударить мне по глазам. От его южных пейзажей у меня отнималось дыхание. Столько красок, столько цвета, столько солнца.

И вот недавно я наткнулся на рисунок: какой-то непонятный пейзаж с нагромождением вагонов и рельсов. Рисунок позднего времени, 1888 года, когда Винсент жил в Арле, где открыл для себя камаргский тростник, который он использовал в качестве пера. Мой взгляд задержался на небе. Казалось бы, простая фантазия в скромной композиции, множество мелких точек, расположенных совершенно неправдоподобным, я бы даже сказал, лукавым образом. Небо без облаков, тяжелое от точек; или же легкое — от тех же самых мелких точек. Жаркое оно, это небо, раскаленное изнуряющим южным солнцем или, наоборот, свежее, влажное, лазурное? Ничего сказать не могу. Бог ты мой, целое небо точек!

Я представил себе Винсента, который, вооружившись остро заточенной тростинкой, расставляет эти точки. Я увидел в этом проявление настоящего мастерства, соединение смиренности и величия. Я увидел также огромное спокойствие, с которым создавался рисунок, спокойствие, бесконечно далекое от безумия. Используя простой

тростник и чернила каракатицы, Ван Гог берется за новые для себя сюжеты: кипарисы, оливы, подсолнухи, — за пейзаж, пропитанный солнцем. Вся манера рисования Винсента преобразуется, графика предвосхищает или продолжает его живопись, потому что штрихи мастера похожи на мазки, торопливые, но уверенные. С камаргским тростником Ван Гог не просто приобрел новый графический инструмент, забыв про карандаш и уголь, он стал видеть совсем по-другому.

Итак, был этот рисунок с загадочными точками, а еще была его жизнь, такая короткая и такая трагическая. Перечитывая «Письма» Винсента, я обратил внимание на то, что он называет себя «неудачником» и не отрекается от этого. «Неудачники», «отверженные», «лишние», старьевщики, побирушки — весь этот несчастный мир, оставленный Историей на задворках, в произведениях Винсента вопит о том, что он все-таки существует. Сама его жизнь доказывает данную истину. Что к этому еще добавить? О Винсенте все уже написано. Но мне необходимо хоть немного пожить с ним бок о бок — не для того, чтобы подать за него свой голос, а чтобы вспомнить его и больше уже не забывать. Никогда.

***

Сент-Мари-де-ла-Мер, 9 февраля 2016 года. Маленький ресторан на берегу моря с посредственной кухней, где кое-как готовят мидий и говядину. Зимнее небо тоскливо, как грязная скатерть. Абсолютное убожество ни на что не похожей местной архитектуры. Их больше нет, побеленных известью хижин, которые когда-то здесь были. Сейчас торжествуют бунгало. Народу хватило отваги обезглавить своих вождей, но его представители оказались не способны заменить былые замки и дворцы столь же прекрасными и величественными зданиями, имеющими свой характер. Франция сама себя обезображивает, как одержимая. В конторах, мэриях сидят эксперты и народные избранники и обсуждают вопросы эстетики городов и пригородов; они принимают решения о строительстве таких-то общественных зданий, утверждают планировку таких-то кварталов, таких-то дорожных развязок, и о служении красоте уже давно никто даже не вспоминает. Осталась лишь красота старинных колоколен и стен, площади же и улочки разукрашены с таким рвением, что кажутся фальшивыми. Центры городов, заполненные многочисленными бутиками, выглядят неживыми. А что не обновляется, то уничтожается, и на обломках выстраивают современные уродливые декорации. Впрочем, у этого

разрушения есть свои плюсы: тротуары чистые, общественные места под постоянным наблюдением, урбанистическая обстановка вполне функциональна. Никто не восторгается, но и не жалуется. Каждый сознает себя молчаливым соучастником нового порядка. Однако многие люди пытаются забыть о времени, в котором живут, и найти убежище в роскоши прошлого. Они нарушают тишину старинных храмов, наводняют музеи, тянутся к полотнам Винсента. Если бы индустрия культуры не восславил Ван Гога без всякой меры, они бы так же воспринимали его творчество? Почему же они так восторгаются им сегодня, если вчера были совершенно безразличны к нему? Они искренни в своих чувствах или конформистски следуют переменчивым веяниям моды?

Их надо видеть, этих зевак, очищающих душу перед пшеничным полем, над которым танцуют вороны. Они говорят правильные слова о мучениях художника и о его экстазе, а потом идут домой. Что искали эти люди в наполненном ужасом взгляде Винсента и что в нем нашли? Может быть, собственный приступ страха, моментальное головокружение. Их сознание настолько забито личной драмой художника, что они почти забывают о его творчестве. А в ней есть на что отвлечься. Ведь Винсента называют сумасшедшим, а это гипнотизирует. Но его безумие перестало быть опасным в силу своей общеизвестности. Чуждые правде Ван Гога, эти люди ошеломлены его славой. Винсент касается самых глубинных, нетронутых струн нашей души. Он заставляет нас копаться в себе и обнажить потаенное.

При жизни Ван Гог смог продать только одну картину. Купила ее женщина, настоящая героиня, посмевавшая проигнорировать рыночную конъюнктуру. И приобрела она не лишь бы что, выбрала «Красные виноградники в Арле». Эта насыщенная красками картина, изображающая женщин-тружениц на уборке винограда под палящим солнцем, «коллекционерам» пришлось не по вкусу. Но Ван Гога их мнение никогда не интересовало. Он писал не для них. Нет, Винсент писал для того, чтобы с грохотом войти в Историю живописи. Он апеллировал к потомкам, без надменности, но и без трепета. Он хотел стать переходным звеном между двумя поколениями художников: новыми классиками, такими как Делакруа, Коро, Милле, и будущими творцами, у которых еще будет время поразмышлять над его наследием. Эта убежденность в том, что ему уготовано место в Истории, поддерживала в нем жизнь и помогала терпеть все невзгоды, равнодушие, презрение, сарказм, неприятие, а к концу жизни — крайнюю нужду и полное одиночество. Винсент никогда не верил в свой талант — про-

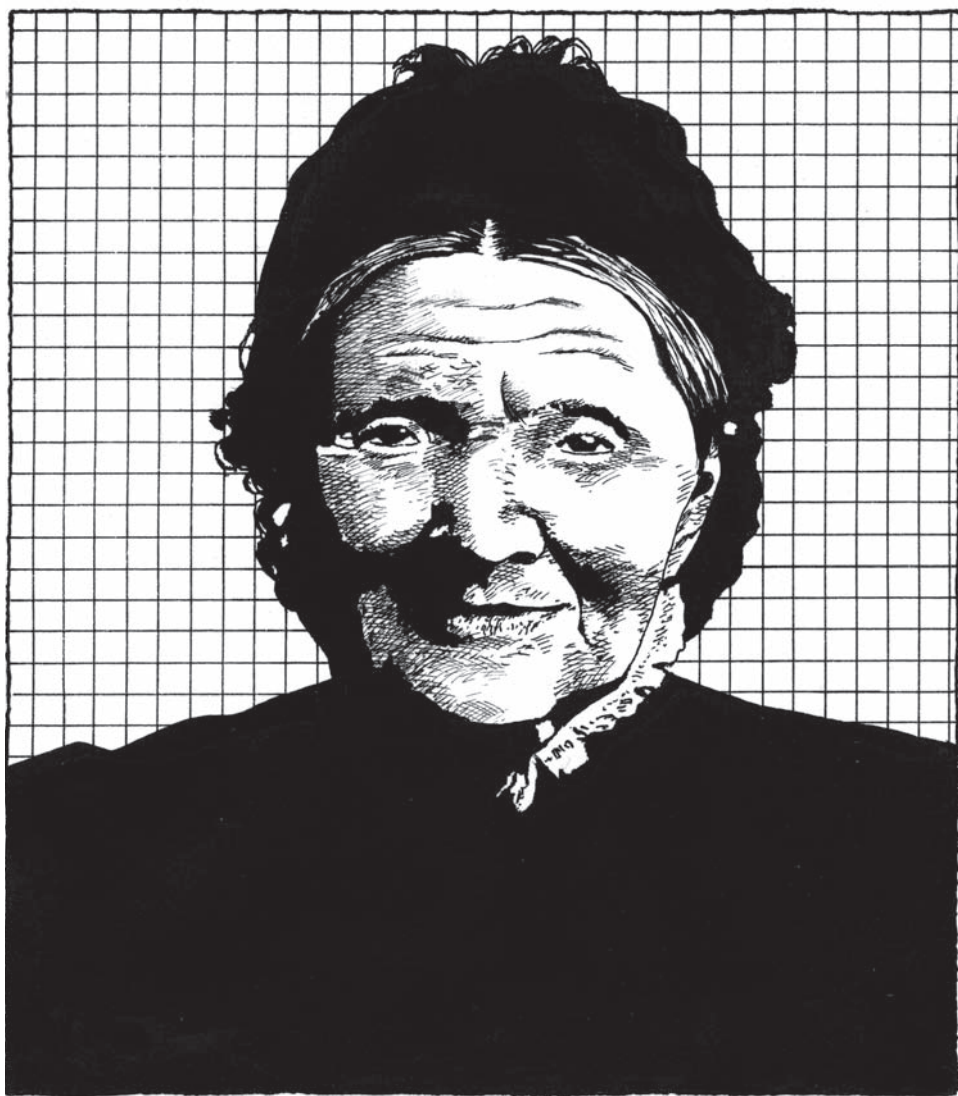
сто не признавал его за собой, зато верил в свою судьбу. Более того, он знал, что благодаря упорному труду ему удалось проникнуть в одну из тайн живописи, а именно в тайну цветовой гармонии. Ван Гог подчинил себе непослушные цвета, вечно воюющие между собой, и заставил их дополнять, оживлять друг друга. В искусстве колористики Винсент значительно опередил других художников. И это дело безумца? Нет, это дело исключительно здравомыслящего человека, который как никто сумел избавиться от многих художественных заблуждений своего времени. А коллекционеров, так называемых ценителей искусства, Ван Гог даже не презирал. Он имел возможность хорошо узнать этих людей, когда сам занимался продажей произведений искусства. Их чрезмерная осторожность и мелочность не раз приводили его в отчаяние. Винсент ничего у них не просил и сам ничего им не предлагал. Он прекрасно понимал всю глубину непонимания между ними. Винсент был визионером, а значит, прямой противоположностью этим мелкобуржуазным материалистам, одержимым собственническими амбициями. Он был одержим совсем другим.

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ЯРОСТЬ

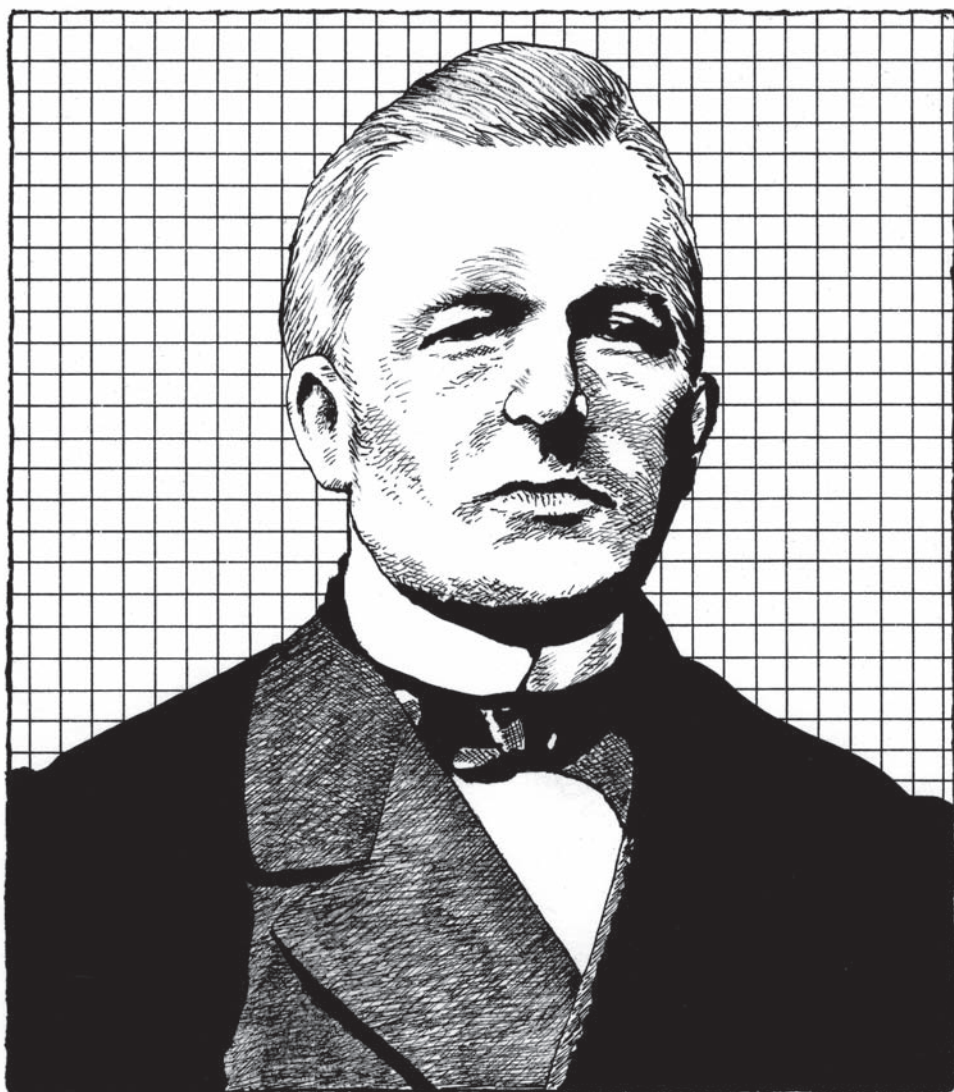

В приходе Грот-Зюндерт, что в голландском Брабанте, умер младенец шести недель от роду. Звали его Винсент. Ровно через год, день в день, 30 марта 1853 года, на свет появился второй Винсент. Это был Винсент Виллем Ван Гог, и родился он вполне благополучно. После него в семье появится еще пять детей, два мальчика и три девочки: Анна Корнелия, Теодорус, Элизабет, Виллемина и Корнелис Винсент; по традиции, если не вследствие отсутствия воображения, детям дают имена родителей, дедушек и бабушек.

Мать, урожденная Карбентус, носит имя Анна Корнелия, но все зовут ее просто Ма. Один из ее предков был епископом Утрехта. У Карбентусов одна из дочерей страдала эпилепсией, сын покончил с собой, а отец помешался и умер в пятьдесят три года.

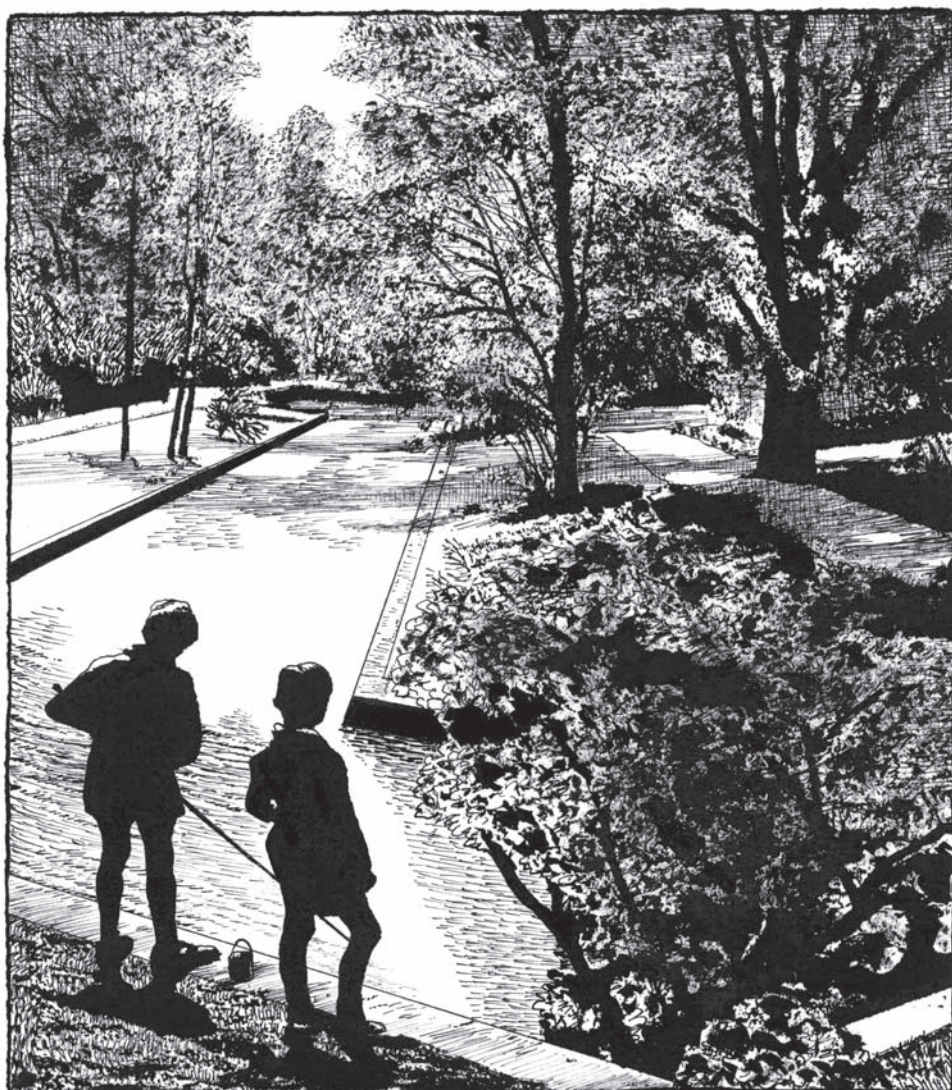
Отца Ван Гога зовут Теодорус, или просто Па. Его отец, приверженец гронингенской теологической школы, был известным пастором, и Теодорус пошел по тем же стопам, но у него отсутствовал талант оратора. Голос был едва слышен, проповеди чересчур догматичны и сбивчивы, поэтому его ссылают в эту глухомань. Старший сын унаследует от отца недостаток красноречия.

ТЕО В ДЕТСТВЕ

Винсент — ребенок непослушный и обидчивый, у него часто случаются припадки гнева, которые надолго запоминаются. Он тяготеет к одиночеству и при каждом удобном случае уходит подальше от дома и деревни, на пустырь, к каналам. Природа — его утешительница. Мальчик ищет жуков и собирает их в банку. Это его главная страсть — сомнений нет.

По отношению к брату Тео, который на четыре года младше его, Винсент играет роль отца-покровителя. Он учит его всему, что знает сам, во время дальних прогулок на природу.

Мать хочет, чтобы ее дети получили наилучшее возможное образование, то есть такое же, какое получила она сама. Девочки учатся игре на фортепиано и поют хором, держа в руках партитуры. Кроме того, мать дает детям уроки рисования и акварели, чем занимается порой и сама, не имея ни на грош таланта и предпочитая всем другим темам букеты: розы, гиацинты, душистый горошек, незабудки, фиалки. Она проводит много времени, рисуя вместе с Винсентом. Но свободы самовыражения сын не имеет: ему вменяется копировать, а затем раскрашивать рисунки матери.